

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

EX LIBRIS

В безвоздушном пространстве

В библиотеке им. Пушкина публике представили сразу две книги, посвящённые художнику Александру Репину

Юлия Баталина

Уникальность фигуры «пермского Репина» в российском искусстве специалистам, возможно, ещё придётся оценить, причём уникальность не только творческую, но и человеческую. Всегда сложно тем, кто держится особняком, тем, кто не идёт в толпе, а ищет свою тропу; порой диву даёшься: откуда у одиночек берутся силы, чтобы держаться этой тропы и идти по ней вопреки препятствиям? Художник Александр Репин умудрился не примкнуть ни к «тем», ни к «этим»: его клеймили как авангардиста академики-соцреалисты, но и с модным актуальным искусством ему не по пути. Всю жизнь с упорством, доходящим до самопожертвования, он создавал в российской провинции удивительные полотна в духе высокопрофессионального европейского авангарда — философские абстракции, посвящённые самому мирозданию.

Большинство произведений Репина так или иначе можно отнести к жанру пейзажа. Как уверяют специалисты, в Свердловском художественном училище, куда Репин поступил в 1941 году и где в 1946-м продолжил обучение после демобилизации, он занимался сюжетной живописью — писал большие многофигурные полотна, посвящённые походам Ермака и прочим подобным сюжетам. Но сейчас этих картин и след простыл, а известность художнику принесли пейзажи, причём не то что не многофигурные — как можно более минималистичные.

Репин как будто стремился в своих картинах освободиться от деталей, выйти на сущностное. Чем дальше по времени, тем больше в его работах абстрактно-геометрического, тем сильнее стремление к чистым формам, чистым краскам, чистым объёмам. В написанном с натуры губахинском индустриальном пейзаже видятся средневековые военные укрепления, уральские горы — это и египетские пирамиды, и вавилонские зиккураты, но сильнее всего в репинских уральских пейзажах чувствуется Космос — бесконечные белые шары холод-

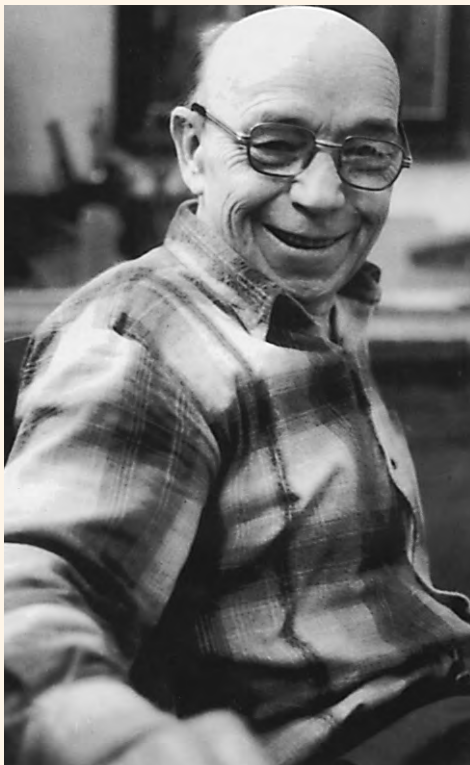
ных планет, причудливые хрупкие конструкции нечеловеческого разума.

Не случайно альбом репродукций Александра Репина, вышедший в серии «Прикамье. Древо искусств», называется «Космическое пространство пейзажа». Как все книги серии, идея которой принадлежит меценату и собирателю Юрию Козлову, она прекрасно издана — от дизайнера гуру пермского издательского дела Светланы Можяевой до полиграфии издательства «Уральский рабочий». Библиография, ссылки, благодарности, Summary по-английски — всё прекрасно. И конечно, сами репродукции, дающие очень полное впечатление о творчестве Репина. Изучение его творческого пути — это настоящее приключение, сюжет, полный неожиданных поворотов. Как фронтовик, выпускник советского провинциального художественного училища стал мастером авангарда, живописцем космогонии? Что происходило в голове этого художника?

В качестве эпиграфа к альбому составители использовали фразы из писем Репина искусствоведу Александру Доминяку: «Судьба даровала мне жизнь — величайшую из величайших наград... Но, видимо, очень, очень много надо пережить, чтобы стать человеком», «Надо поступать так, как велит тебе сердце. Никаких сделок. Потом не простишь себе...» и несколько других. Об этой переписке, продолжавшейся несколько лет, в околохудожественных кругах Перми ходило много легенд. И вот она опубликована...

Книга Александра Доминяка «Переписка с художником А. И. Репиным» была презентована одновременно с альбомом «Космическое пространство пейзажа». Можно сказать, что эта книга создана в жанре «выполненной угрозы»! Знаете, есть такая популярная угроза: «Вот наступит один прекрасный день, и я всё расскажу!», но её мало кто выполняет. А Доминяк выполнил.

Дело в том, что у художника Александра Репина и его друга искусствоведа Александра Доминяка не только взгляды совпадают, но и судьбы похожи. Обоих в позднесоветские годы в

А. И. Репин. Начало 1990-х годов

Перми изрядно шельмовали. Очевидцы говорят, что смерть Репина (он скончался в 1997 году в возрасте 71 года) была несправедливо ранней и «доброжелатели» её изрядно ускорили. Что касается Доминяка, то он был буквально изгнан из города в 1978 году — как утверждает Доминяк, по личному распоряжению заведующей отделом агитации и пропаганды горкома КПСС Валентины Русейкиной — и работал несколько лет в Подмосковье. Тут-то и началась переписка.

Увы, самый скандальный эпизод из грустной репинской истории — разгром выставки в Центральном выставочном зале — в переписке не отражён: он случился за год до её начала, в 1977 году. Однако и сами письма, и предисловие к их сборнику содержат много свидетельств о других вопиющих происшествиях.

Например, Доминяк рассказывает о том, как и почему легендарный акварелист Константин Собакин, который был в Перми одним из самых статусных деятелей Союза художников, вышел из правления союза, бросил служебную квартиру и мастерскую и уехал в Суксун строить дом на берегу пруда. Оказывается, Собакин обнаружил приписки в оплате в пользу одного художника и в ущерб другому, начал бороться за справедливость, даже в Москву ездил за правдой — бесполезно.

Репин же грустно повествует о том, как несправедливо поступили по отношению к нему и некоторым другим ветеранам войны, которые не входили в приближённую к партийной верхушке обойму, при формировании юбилейной выставки художников-фронтовиков в 1985 году. Ужасно печальный рассказ...

Доминяк приводит полностью популярную поговорку: «Кто старое помянет — тому глаз вон, а кто забудет — тому оба». При знакомстве с книгой хочет-

ся вспомнить другой образец народного остроумия — шутку: «Я не злопамятный. Я просто злой, и память у меня хорошая!» Прекрасная память позволяет Доминяку напомнить о весьма неприглядных действиях видных людей с громкими именами. Некоторые из них живы, у других живы дети и внуки. Публикация переписки, в которой содержатся весьма нелестные характеристики этих людей и их поступков, может испортить настроение многим художникам и искусствоведам, не говоря уже о бывших партийных деятелях.

Книга могла бы стать громким событием... Но вряд ли станет, поскольку читать её... ну, почти невозможно. Вот пример. Берём наугад фрагмент первого попавшегося письма: «Дорогой Александр Иванович! Получил ваше долгожданное письмо и, конечно, расстроился. Теперь я хорошо понимаю Князя, когда он рвался назад, в Пермь. <...> Что сказать на это? Тимофей как был горбатым, так им и в могилу уйдёт. <...> Покорный шимпанзе, лишённый возможности лидировать в стаде».

Про что это?! Письма опубликованы не по принципу диалога: сначала собраны вместе письма Доминяка Репину, потом — Репина Доминяку, поэтому понять, что именно расстроило Александра Владимировича в письме Александра Ивановича, нет никакой возможности. Дальше: кто такой Князь? Что за история с ним связана? Кто такой Тимофей, я догадываюсь, но высказывать свои предположения не буду; однако подавляющее большинство потенциальных читателей, менее осведомлённых о пермском культурном ландшафте позднесоветского времени, ни за что не догадуются. И уж точно никогда не поймут, чем озабоченный Тимофей вызвал столь резкий словесный выпад.

Подобных фрагментов в этой переписке чуть ли не больше, чем тех, которые можно как-то расшифровать! Книге нужна серьёзная редактура: сноски, примечания. Без них её ценность снижается почти до нуля: беспристрастное историческое свидетельство превращается в бессмысленный набор слов.

Впрочем... Чего ждать от книги, изданной в количестве 50 экземпляров двумя пожилыми людьми (соавтором Доминяка была его супруга и коллега Ольга Власова) на собственные средства?

Остаётся надеяться, что рано или поздно переписка Александра Репина и Александра Доминяка станет предметом тщательного изучения историков и сыграет свою роль в установлении правды о том ужасе, каким была идеологическая цензура в СССР, о том, в каком безвоздушном, холодном, чуждом пространстве формировался и выживал репинский Космос. Хотелось бы всё же, чтобы это случилось не слишком поздно — пока ещё живы участники и свидетели событий, о которых говорится в знаменитых письмах.

